

Курган в степи

Записки археолога

Виталий Федоров

Загадки сарматской “звериады”

Если посмотреть в ретроспективе на древнейшие этапы истории изобразительного искусства, то не могут не броситься в глаза удивительные парадоксы его развития. Бурные взлеты сменялись веками и даже тысячелетиями упадка. Жившие бок о бок народы могли не иметь ничего общего в художественных традициях, и в то же время племена, разделенные тысячами километров, изготавливали предметы искусства словно бы по единому шаблону. Немало и других загадок. Вот и на Южном Урале изобразительное искусство прошло путь непросто.

Среди всех древних культур, существовавших в древности на территории Башкирии, пожалуй, лишь савромато-сарматская может похвастаться обилием выразительных памятников изобразительного искусства. В самом деле: положив блистательное начало развитию художеств впечатляющими “картинными галереями” в Каповой и Игнatieвской пещерах, древние вдруг словно забыли на целые(!) тысячелетия о достигнутых успехах. Последующие эпохи – мезолит, неолит, бронзовый век – оставляют у

искусствоведа тягостное впечатление. Нет живописи. Нет графики. Скульптура примитивна и невыразительна. Из года в год археологи привозят с раскопок орудия труда, бытовую утварь, посуду, единственным украшением которых был нехитрый орнамент. Не тянулась рука у обитателя наших краев запечатлеть в камне, кости, глине божество, отца с матерью, любимую девушку, себя самого в конце концов. Даже создатели овеянного уже современными легендами Аркаима испытывали, похоже, к изобразительному искусству совершенное равнодушие.

И вдруг в середине I тысячелетия до н.э. – словно прорвало! Будто бы проснулось веками дремавшее эстетическое чувство – неожиданным потоком хлынули невесть откуда взявшиеся золотые, серебряные, бронзовые, костяные изображения зверей – оленей, кабанов, верблюдов, быков, баранов, медведей, барсов, фантастических грифонов... Не более полутысячелетия длилось звериное буйство в декоративном искусстве древних. Потом оно вдруг как-то стало сходить на нет; звери, прежде столь могучие, динамичные, полные сил, сменились какими-то хилыми уродцами, а потом и вовсе пропали. И снова потянулись века безликой, серой, скучной утвари, унылых, однообразных вещей, вызывающих у современного эстета лишь

чувства досады и тоски. Все загадочно в этой яркой вспышке “звериного стиля”, как его называют специалисты. Возникнув неожиданно, “ниоткуда”, сразу на всей огромной территории Великого пояса степей Евразии – от Дуная до Тувы, – он так же стремительно повсеместно исчезает к первым векам нашей эры, не оставив после себя почти никаких следов. У него нет практически никаких корней в предшествующих культурах эпохи бронзы. Невозможно проследить динамику его сложения – повсеместно появляются сразу зрелые формы, своеобразные “шедевры”.

Имя несомненное культурное единство, на разных территориях “звериада” имеет свои особенности. Различают “скифский”, “среднеазиатский”, “алтайский” варианты. Свообразием отличаются и савромато-сарматские художественные древности Южного Приуралья. Много находок, принадлежащих сарматскому звериному стилю, на счету башкирских археологов. Недосыгаемым блеском сверкают золотые звери из Большого Филипповского кургана, открытые экспедицией А.Х.Пшеничнюка, свои большие и малые удачи есть и у многих других исследователей.

Вот и археологи из Национального музея Республики Башкортостан, возглавляемые ныне одним из героев филипповской сенсации И.И.Акубулатовым, из года в год ведут

Все золото древнего мира.
Находки из Филипповского кургана

исследования в степных районах Башкирии, постепенно комплекта собственную “звериную коллекцию”. Одновременно ведется изучение, осмысление находок. Что скрывают в себе сарматские звери? Изображал ли древний художник простодушно, что видел вокруг себя, или вкладывал в свои творения потаенный, скрытый от нас ныне глубокий смысл? Раскроем древнейшие священные книги “Ригведу” и “Авесту”, где под личинами животных действуют могущественные боги. Попробуем сопоставить стихи древних гимнов и молчаливые фигурки животных – не заговорят ли они? Не расскажут ли нам о своих владельцах чуть больше, нежели скудные строчки археологических отчетов?

Один из древнейших образцов “звериного стиля”, появившийся в фондах Национального музея совсем недавно, – бронзовый меч, найденный в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан. На его навершии изображены два круторогих барана, глядящих, подогнув передние ноги, в разные стороны. Как случилось, что баран, существо робкое и незлобивое, попал в декор оружия убийства? Казалось бы, там место льву, тигру, орлу. Не поможет ли нам древнейшая из всех известных священных книг? Попробуем раскрыть “Ригведу”:

*Этого барана – много раз
призванного, прослав-
ленного.*

*Индру опьяняйте
хвалебными песнями...*

Под “овечьей шкурой”, оказывается, скрывается самый грозный Индра – бог войны и победы у древних ариев! Его иранский двойник Вертрагна также “спрятался” под невинным обликом верблюда. Впрочем, “Авеста” посвящает этой его ипостаси отнюдь не мирные строки:

*Явился Заратуштре
Четвертый раз Вертрагна
Неистовым верблюдом,
Ступающим вперед...
Верблюд, объятый
страстью,*

*С огромными горбами
И крепкими ногами,
Сметливый, большеглазый,
Великолепный, мощный,
Высокий и большой.*

Не Вертрагна ли изображен на бронзовой пряжке, найденной в Стерлибашевском районе?

Еще одна загадка: на костяной рукояти бронзового зеркала – предмета чисто женского обихода, казалось бы, сугубо мирного, – изображен какой-то свирепый зверь с оскаленной зубастой пастью. Это зеркало было найдено в “царском” кургане у поселка Сара в Оренбургской области. Лежало оно в парной могиле, между костяками молодых мужчины и женщины, на одинаковом расстоянии от них. Кому из них оно принадлежало? Женщине – воительнице, амазонке, не имевшей, по свидетельству Геродота, права выйти замуж, пока не убьет врага? “Грозный” сюжет на рукояти зеркала в таком случае вполне уместен. А может быть, мужчине? Почему бы и нет. Ведь прикасался же перед боем к бронзовому зеркалу герой “Махабхараты” – мощный Ююджхира, чтобы стать неуязвимым.

Украшалась изображениями животных и конская упряжь. В том же Саринском кургане были найдены бронзовые псалии (стержни, ограничивающие подвижность удила во рту лошади). Концы их украшены выразительными орлиными головками. К уздечному набору относятся и большие бронзовые бляхи, изображающие голову оленя и рыбу, в которой каждый любитель-рыболов без труда опознает обыкновенного карася.

Сравнение коня с птицей широко распространено в фольклоре разных народов. Вот и в гимне “Восхваление коня” (“Ригведа”) читаем:

*Мыслью издали познал я
твою суть –
Птицу, летящую в подне-
бесье.*

“Небесные кони, играющие силой” – один из наиболее часто встречающихся в “Ригведе” образов. “Три у тебя, говорят, на небе привязи, три в водах, три в океане...” – обращается древний певец к коню. Выходит, и рыба в конском уборе не случайна! Напоминает она о месте рождения коня:

*Когда ты заржал впервые,
рождаясь,
Вздымаясь из океана или
первородного источника, –
Достойное хвалы было
твое великое рождение,
о скакун.*

Особенный интерес возбуждает бляха, изображающая рогатого оленя. Странный это олень, что-то неправильное, неестественное есть в его облике. Что за нелепый вырост у него на лбу? Прикромом на секунду его роскошные рога, и на нас глянет... конь. Странный вырост, оказывается, просто конская челка! Челка, которой у оленей нет и быть не может. Как понять этот составной или, как говорят, синкретический образ? Еще раз внимательно прочтем “Восхваление коня”:

*Тело твое в полете,
о скакун.
Твоя мысль скользит,
словно ветер.
Твои рога (да! да! – рога!),
находящиеся во многих
местах,*

*Двигаются, извиваясь,
по лесам.*

Находка, конечно, поразительная. Из тех неприметных на первый взгляд безделушек, которые вдруг решительно сближают две, казалось бы, несовместимые во времени и

пространстве цивилизации. Еще раз взглянем на “олень”. Да, все верно – в едином образе сплелись здесь небесный конь и коренной обитатель лесов олень с изогнутыми (“движутся, извиваясь...”), ветвистыми (“находящиеся во многих местах”) рогами. Уж не таинственный ли зверь древнеиндийской мифологии “шарабха” – летающий по небу олень – изображен на нашей бляхе?

Много еще тайн хранят курганы башкирских степей. Кто знает, какие из них приоткроет очередной полевой сезон. Быть может, сарматская “звериада” пополнится змеем-Вритрой, кабаном-Рудрой, козлом-Пушаном, а то и несущим Сому орлом...

“Путь гвоздики”

Так называлось северное ответвление грандиозной системы мировой торговли на протяжении тысяч лет известной как Великий шелковый путь, проходившее по территории Казахстана, Оренбуржья, Башкирии. “Путь гвоздики”... Воображение рисует груженных верблюдов, запыленные халаты караванщиков, и запах, запах имбиря и корицы, ванили и гвоздики, муската и амбры...

*Обитатель шатра –
время выючить шатер!
Уж глава каравана скатал
свой ковер,
Загремел барабан,
и верблюды встают,
И погонщики гасят
ненужный костер ...*

Не проходит и года, чтобы археологи не привезли с раскопок древние предметы, попавшие на Южный Урал из далеких краев. И это неудивительно – с древнейшей поры Урал находился на перекрест-

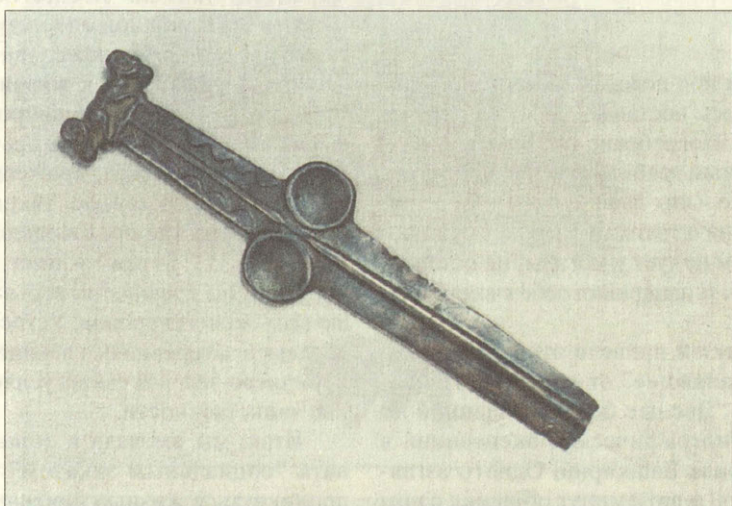
ке торговых путей. Уже в каменном веке население долины Белой освоило доставку зауральской яшмы – ценнейшего сырья для производства каменных орудий. В эпоху бронзы по территории Башкирии пролегал “медный путь”. Уральская медь служила сырьем для металлургов едва ли не всей Евразии. Судя по всему, полторы тысячи лет до нашей эры здесь бушевала настоящая “медная лихорадка”, по подсчетам специалистов, на Урале в эпоху бронзы были добыты многие тысячи тонн медной руды. Медь была в то время “конвертируемой валютой”, вокруг которой вращались интересы тогдашней геополитики. Именно металлургия меди породила феномен сейминце-турбинцев (так условно называют археологи этих “викингов” бронзовой эпохи). Именно они первыми освоили литье бронзы в каменных формах, чем совершили настоящий прорыв в технологии обработки металлов. На своих быстрых колесницах эти металлурги, торговцы и воины вихрем пронеслись по степям Евразии, в корне изменив жизнь людей на огромной территории – от Сибири до Причерноморья. Обладатели литого супероружия – топоров, копий, стрел, могли позволить себе не считаться ни с кем и ни с чем... Именно на них падает главное подозрение в разорении Страны Городов, в разрушении Аркаима. В то неспокойное время ценности часто приходилось доверять земле, свидетельство тому – обилие кладов бронзовых изделий на территории Башкирии – Дербедневский, Ибракаевский, Бахчинский ...

Очередной полевой сезон порадовал новой интересной находкой. В кургане эпохи бронзы рядом с “нашим” зауральским сосудом стоял другой – непривычных низких

пропорций, тонкостенный, изящный, с шегольски заложенной поверхностью, изумительным по качеству глиняным тестом. Нехарактерно было и полное отсутствие какого-либо орнамента, котрым так славились племена эпохи бронзы Южного Зауралья. Неужели Средняя Азия, так называемая “чаша Того-ра”? Есть о чем подумать, поразмышлять...

В середине первого тысячелетия до нашей эры Южный Урал прочно становится одним из центров международной торговли. Здесь сходились Север и Юг, Запад и Восток. Никого из археологов не удивляют находки в курганах этого времени хорезмийских сосудов и греческих зеркал, прибалтийского янтаря и индийского сердолика, средиземноморских кораллов и иранской бирюзы, финикийского стекла и египетского фаянса. Яркие глазчатые бусы “родом” из Боспорского царства в Северном Причерноморье, раковины каури – из Индийского океана, другие раковины – грифеи, в которых тогдашние модницы хранили косметику – румяна, сурьму для бровей, пудру, – с берегов Каспия. А вот и пряности... На плече у сарматского воина, чье погребение было обнаружено в Хайбуллинском районе Башкирии, лежал хорошо сохранившийся кожаный колчан, полный острых трехгранных стрел. Осторожно вынимаем его... что это? На лист упаковочной бумаги градом посыпались семена, находившиеся в колчане вместе со стрелами. Кориандр! Издалека попали к нам эти пахучие зернышки, родина их – Кавказ или Средняя Азия. Что ж, “Путь гвоздики” оправдывает свое название!

А вот уж совсем фантастическая находка. В том же Хайбуллинском районе

Эта бронза пережила века и царства

борона зацепила на пашне удивительной красоты бронзовый меч, не похожий ни на один из образцов местного оружия. Ищем аналогии... Западная, Восточная Европа, Кавказ... холодно. Передняя Азия, Иран... ничего. Средняя Азия... ага! Чуть теплее – похожий кинжал был найден при строительстве Ташкентского канала. Идем дальше на восток – Сибирь, Алтай – очень хорошо! Пропорции,

орнамент рукоятки – близко, близко... Минусинская котловина... вот и такие же барашки, украсившие навершие нашего меча! Наконец, Ордос, северо-восточный Китай, провинция Хэбэй – можно сделать остановку. Похоже, именно здесь, почти у побережья Тихого океана был изготовлен этот необычный клинок, неисповедимыми путями попавший в башкирские степи. Прибыл ли он сюда

вместе со своим первым владельцем, или прошел через много рук, был ли он намеренно спрятан или выбит из рук воина во время жаркой схватки – мы никогда не узнаем. Теперь этот бронзовый меч занял свое почетное место в музее – как наглядный свидетель древнейших связей южноуральских племен с далекими странами, наяву проделавший сказочный путь – “Путь гвоздики”...

Этнографика Рината Миннебаева

... Когда под ножами засверкало золото, нам пришлось поставить свою палатку на краю раскопа. Погребение оказалось совершенно не тронутым грабителями. Расчистка его требовала нескольких дней кропотливого труда, и по традиции в таких случаях научный сотрудник днюет и ночует у могилы, не оставляя ее ни на минуту. В напарники себе я взял Рината Миннебаева.

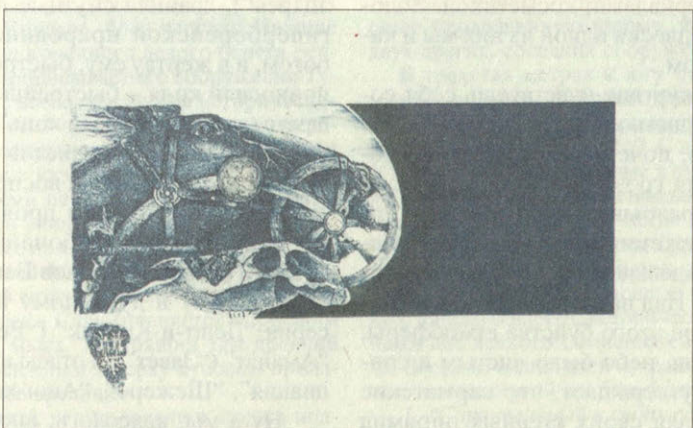
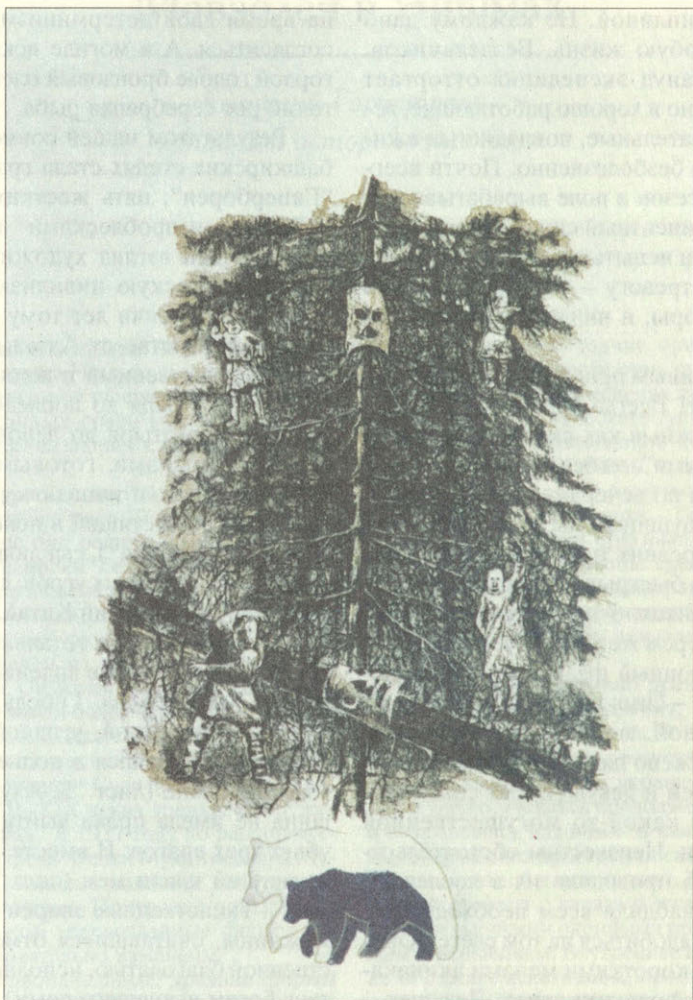
Рината в музей привели этнографы, что называется, “запавшие” от его серии графических листов “Лесные боги”, созданной по материалам этнографической экспедиции в северных районах Башкирии. Одного взгляда на его работы и пяти минут общения с ним хватило нам, молодым музейным археологам, чтобы понять – без Рината наша экспедиция будет безнадежно ущербной. Терзаемые жестоким завистью, мы сделали все от нас зависящее, чтобы “перевербовать” Рината, и нам это удалось. Ринат ушел из музея потенциальным участником археологической экспедиции в сарматские степи. А копать мы собирались “царские” курганы – погребения могущественнейших степных владык, наводивших некогда ужас на Север, Запад, Юг и Восток.

... Степняки никогда не любили лес. Их, привыкших к необъятным просторам, лес давил, душил, сжимал, угнетал. И люди леса вызвали страх и неприязнь своей таинственной тихой жизнью. Станный облик, странные боги, странные обряды... По сей день лесные деревни марийцев, удмуртов, коми сохраняют прежний дух единения, слитности с лесом и его тайнами. Недаром эти народы с редким

упорством сопротивлялись христианизации, мусульманизации, и по сей день часть их остается язычниками. “Лесные боги” Рината поражают этой мощной энергетикой закрытости, отгороженности, нежелания вмешательств чужих, не готовых к жизни лесного мира. И “Кереметь” – священная роща, где производились моления в случае несчастья: повального мора, неурожая, вражеского набега. И “Табу” – отгороженное, закрытое от посторонних место, где производились жертвоприношения. И “Тотем” – лист, посвященный медведю, по древним поверьям – прародителю всех лесных народов. Устремленные ввысь деревья и затерявшиеся в чаще люди. Темная, коричнево-зеленая гамма усиливает впечатлительные таинственности.

Итак, мы выехали в степь, озадачив Рината “социальным заказом” – постараться проникнуться жизнью кочевника-степняка V века до нашей эры и воплотить свои впечатления в своих будущих творениях. Кроме того, что он выдающийся график, а также обладатель необычайно эффектной внешности, мы о нем пока ничего не знали.

... Экспедиция – чрезвычайно сложное мероприятие. Почему-то у большинства людей это слово ассоциируется с некой вольной вольницей – чуть ли не с бродяжничеством. Природа, ночевки в палатках, костер, похлебка из котла, ночные песни под гитару и непременные обильные возлияния. Все это так... но экспедиция – это прежде всего тяжелая до одурения физическая работа – лопатой, топором, ломом. Это кубометры песка, земли, камня, пыль, пот, палящее солнце и проливные дожди, мозоли – кровавые у новичков и плотные как протектор у ветеранов. Экспедиция – тонкий и чувствительный организм, где атмосфера дружелюбности и духовной общности соседствует со строгой иерархией

Офорты Рината Миннебаева:

"Тотем", серия "Лесные боги", 1995

"Небесный конь", серия "Гипербореи", 1994

и жесткой дисциплиной. Не каждому дано влиться в ее особую жизнь. Бездельников, скандалистов, зануд экспедиция отторгает сама. Люди, охотно и хорошо работающие, веселые, доброжелательные, покладистые вживаются быстро и безболезненно. Почти всегда у прошедших сезон в поле вырабатывается своего рода абстинентный синдром: с наступлением весны они испытывают неизъяснимое беспокойство и тревогу – так тянет снова в степь, в лес, в горы, и ничего нельзя с этим поделать.

Каким же ценным приобретением оказался для нас Ринат! Всегда уравновешенный и спокойный, надежный как скала, из тех, кого зовут “двужилыми”, он без устали кидал землю на раскопе, а по вечерам, за чаем, пахнущем чебрецом и душицей, мы вели нескончаемые беседы о древних народах, их обрядах, обычаях, быте, о быстрых колесницах и стремительных всадниках, о звоне мечей и пении тетивы... Над лагерем же реял сотворенный Ринатом экспедиционный флаг с крылатым солнечным диском – символ древних ариев.

... В огромной, неправильной формы могиле было уложено пять человек, пять подростков – юношей и девушек, без сомнения, принадлежащих какой-то могущественной степной династии. Неизвестны обстоятельства их гибели. Но проводили их в последний путь пышно и снабдили всем необходимым, что им могло понадобиться на том свете. Юношей – оружием: короткими мечами акинаками и колчанами, полными стрел. Девушек – украшениями, зеркалами, косметикой. Золотые височные подвески одной из них мы и караулили с Ринатом.

Вечером на кургане чувствуешь себя совсем не так, как днем, когда на раскопе кипит работа. Не знаю, почему, но вокруг нас постоянно бушевали грозы. Весь горизонт клубился, бурлил, разрываемый молниями, то справа, то слева ежеминутно раздавались раскаты грома, дождевые стены закрывали порою весь окоем. Над нами же, находившимися в самом центре этого буйства атмосферы, не упало ни капли, небо было чистым и спокойным. Ринат утверждает, что сарматские цари выбирали для своих степных пирамид места, обладающие неизвестными еще науке энергетическими свойствами. И я, отбросив

на время свой детерминизм, склонен с ним согласиться. А в могиле вскидывает рога на гордой голове бронзовый олень и кривит жестокий рот серебряная рыба.

Результатом нашей совместной работы в башкирских степях стала графическая серия “Гипербореи”: пять жестких черно-белых с небольшими проблесками золота листов – обобщенный взгляд художника на великую скифо-сибирскую цивилизацию, раскинувшуюся две тысячи лет тому назад на огромном пространстве от Алтая до Дуная. Пышный, величественный и жестокий мир! Мир, где все – от царя до последнего бедняка, от мужчины-богатыря до девочки-подростка – все были воинами, готовыми как отражать нападение, так и нападать – безжалостно и неотвратно. Летящий в неистовом беге грифон (“Ритон воина”), сыплющий тучами стрел в городища северных угров, в парфянскую катафракту, в чжоуский Китай, в римские легионы – таков символ тотально военизированного кочевого мира в видении нашего друга – Рината Миннебаева. Гибель с мечом в руке считалась почетной, угодной богам, к которым герой уносился в поднебесные выси на золотом олене (лист “К Ахурамазде”). Женщина не имела права выйти замуж, пока не убьет трех врагов. И вместе с украшениями в могилу ей клали меч (лист “Зеркало Томирис”). Таинственные энареи – женоподобные мужчины, считавшиеся отмеченными божественной благодатью, исполняли обряды, жертвуя богам пьянящего сому (лист “Пектораль энарея”), хранили смутные предания о своей гиперборейской прародине. Солнце было богом, и в жертву ему, быстрейшему из богов, приносили коня – быстрейшего из живых существ (лист “Небесный конь”). Много зашифровано в каждом из листов серии, не вдруг, не с наскока можно их воспринять. Впрочем, это относится ко всем произведениям Рината, пронизанным глубочайшим пиететом к древней истории народов Башкирии, к их материальному и духовному наследию. Это и серии “Дешт-и-Кипчак” (“Великая Степь”), и “Аманат” (“Завет”), и отдельные листы – “Инициация”, “Шежере”, “Аши-хан”, “Тамга”.

Ну а мы, археологи, вновь собираем под свой флаг единомышленников. Снова экспедиция, снова степь, снова курганы.